

Портретная галерея БОРИСА ЖУТОВСКОГО

Неделя - 1997 -
№ 13 - с. 13

АЛЕКСАНДР

ГАЛИЧ

Слава его набухла. Скандалы росли. Отчаянные, из друзей, собирали на кухнях компании. Верхи свирепели. Сокольничье и дрезжачие лениво и жестко заводили сети. Попытки где-то — то в Дубне, то в Новосибирске — найти аудиторию, зал, пресекались ими с лязгом гончих. Противоборство в недавно благополучном, сытом, причастном — шли еще пьесы, доснимались киносценарии, распевались официальные песни — вызывало любопытство римского цирка к гладиатору. Скотный двор шуршал осматрительной отвагой, петухи порой горланили с забора, куры вздыхали, разгребая навоз, дворняжки потягивали, уходя на ночь под хозяйское крыльцо.

«Это наше время, наша история», — вздыхала Люся тихим голосом, «гоняя по пороше охоту», улыбаясь «дареному королю» поясычку».

Вошел Галич в мастерскую боком, втягивая узкими красивыми ноздрями воздух. Высок. Грузноват. Отступающая грива сформировала роскошный лоб. Прислушанные по краям глаза блестели с живым любопытством. Холеные руки в хрустящих манжетах под твидом вежливо гладили картинку, кисти. Пальцы потискивали ластики.

«Как мне дивно в мастерских, Боря. Вот я гляжу на все ваше: прежде всего мне это по душе — есть пол. Это мужское действо. Многие из абстракции бесполо. Вы знаете, я вот не сплю и чаю к вам попасть. Ноги не ходят. Вы примирили меня с абстракцией. И еще — я смотрю на это — сколь радостного во всем деланье, лучезарно это и удивительно красиво! Вас не пугает это слово?»

За два прихода я сделал портрет. «Блестяще, я просто потрясен. Вот, знаете, в лице моем какая-то асимметричность и делает эту чертовщину — ее-то вы и разрыли, умничка. Можно я вам напишу целый стих?» И написал. На обороте. Целый.

Через несколько недель его выгоняли. Мы встретились. Надо было пошарить дешевые башмаки, разношенные, «приютные». И, конечно, чего-то из магнитофонных страстей.

На Восстании, в комиссионном, протиснувшись к продавцу, Александр Аркадьевич вежливо переждал, потом пригнулся к прыщавому юнцу за прилавком и тихо проговорил ему: «Я — Галич, нет ли у вас...» «Нету, ничего нету», — пропустил шанс заплотный дурень.

«Говорит, нету», — неузнаванию или отсутствию любопытства покручинился. И мы опять поехали «шарить».

«Вы знаете, Боря, мне надо бы сына навещать перед разлукой, — поглядел вдур на меня устало, печально. — Еду я туда ведь на тоску и погибель, кому я там, зачем? Тут эти хотели иметь, там те будут. И ведь дашь».

— Нюша у меня, вы знаете, какая, да и сам я к нищете не привык». Красивая голова его устало прилегла к плечу, и рука тихо погладила меня по затылку. Мы помолчали.

«Прощайте, дружочек, пойду...»

Он тяжело вылез из автомобиля. Улыбнулся и пошел. В зеркало я увидел, как трое молодых людей вдруг замахали руками и кинулись к нему. Он расправил спину, обнял их в горсть и пошел через улицу к дому. Где-то в Москве затухала теща, погибала падчерица, рос сын, бедствовала дочь... Мы больше не встретились. Через несколько лет он умер, как говорили, от разряда любимой аппаратуры. Потом сгорела в квартире Нюся.

Это была отвага эпохи. Ее уже нет. Нет и Люси. Поют другие песни. Отвага — тоже подвиг во времени. Слава тебе и память, отвага. Прощайте нас, Ал. Арк., прощайте.

А стих, мне написанный, он потом передарил С. Ростроповичу. Неплохая компания.